

«Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи

(последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ»

Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. 236 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е.И. КОБАХИДЗЕ

В 2003 году в издательстве СОГУ вышла книга по истории нашего края, которая по непонятным причинам оказалась незамеченной исторической общественностью Осетии: то ли из-за скромности ее автора, то ли из-за малого ее тиража (всего 300 экземпляров). Речь идет об исследовании к.и.н. Е.И. Кобахидзе «Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ».

Между тем книга заслуживает внимания, и вот почему.

1. Книга эта – редкая попытка исследования вопроса на стыке двух смежных исторических дисциплин – этнологии и гражданской истории – и попытка весьма удачная.

2. Работу характеризуют законченность, структурная целостность и хронологическая последовательность, что в результате оставляет приятное впечатление.

3. Достоинством ее является скрупулезный анализ всей литературы по этнографическому кавказоведению и полный охват всего, что сказано по этнографии осетин. И это не все. Основополагающие выводы книги обоснованы и базируются на теоретических исследованиях по разрабатываемой проблеме, появившихся в печати в последние годы (Л.Е. Куббель, И.Л. Бабич, Л.С. Гагагова и Д.И. Исмаил-заде, Ж.А. Калмыков).

4. Каждая из представленных глав завершается выводами, а книга в целом – развернутым заключением, где содержатся научно обоснованные выводы и обобщения, к которым автор приходит в своем исследовании.

Первая глава состоит из двух параграфов. В первом из них рассматриваются родственные и общинные объединения у осетин. На базе анализа большого этнографического материала по осетинам автор подтверждает известную аксиому об устойчивости дофеодальных общественных структур и той особой роли, которую играли в них родственные объединения.

Критикуя сторонников родовой теории, стоящих на позициях архаизации общественного строя кавказских горцев, автор книги, базируясь на анализе большого количества источников, приходит к верному выводу, что соображения экономической целесообразности обусловили длительное и устойчивое функционирование семейной общины у осетин как наиболее оптимальной формы организации труда.

Много интересных суждений в этом параграфе и по вопросу о типологическом определении семейной общины как преобладающей у осетин формы семьи в XIX – начале XX вв.; не вызывает возражений суждение автора о том, что «основу экономического единства семейной общины составляли общая семейная собственность и коллективное потребление» (с. 218).

Е.И. Кобахидзе удалось вскрыть причины перерастания семейной общины в сельскую общину, выявив их отличительные особенности.

Однако при всем разнообразии уровней социальной организации их объединяло «сознание единства происхождения от одного общего предка, общность культа, обязательства, вытекающие из соседства, и т. п.» (с. 221). Правильно подчеркивается, что такая форма единения приобретала особую роль в социальной организации осетинского общества.

Неравномерное экономическое развитие горских обществ Центрального Кавказа, формирование в них феодальных отношений автор книги умело иллюстрирует на анализе социально-экономических отношений в главных обществах Северной Осетии. Исследуя причины более высоких темпов развития феодализма в Дигорском и Тагаурском обществах и отставания в этом смысле Куртагинского и особенно Алагирского обществ, автор акцентирует внимание на развитии в них сословно-иерархической структуры, подробно рассмотренной по обществам. В целом заключение автора о том, что сословная организация в разных осетинских обществах «соотносилась со степенью развития феодальных отношений в каждом из них», логично и обосновано.

Традиционная система общественного самоуправления у осетин зиждется на двух ее главных институтах: совете старейшин и народном собрании (ныхас), рассмотренных автором довольно подробно во второй главе.

Власть старейшин имела силу и влияние как в семейной, так и в сельской общине, хотя в последнем случае она ограничивалась воздействием «на морально-идеологический климат» в коллективе. Прав автор, утверждая, что «универсальным принципом, лежавшим в основе формирования института старейшин, оставался принцип старшинства», хотя при этом немалую роль играли и личные качества руководителя, составлявшие основу авторитета старшего (с. 89).

Литература о народном собрании, его структуре и деятельности довольно обширна. Автором выявлены и охарактеризованы основные черты ныхаса, делавшие его народным правлением, – это демократизм в сочетании с обязательным исполнением принятых решений, принципы формирования ныхаса, его компетентность во всех областях общинной жизни и, что особенно важно, внесословность.

Институт народных собраний был многоуровневым: от квартально-фамильных и ущельных до верховного ныхаса, но на каждом из этих уровней соблюдался принцип коллегиальности, лежавший в основе формирования общинных органов самоуправления. Функции и дееспособность ныхасов не во всех осетинских обществах

сохранялись в одинаковой степени. На конкретных примерах автор доказывает, что в Дигории и Тагаурии по мере развития феодализма представительско-демократическая суть общинного собрания сводилась на нет, а сам ныхас сохранял лишь свою структуру.

Наибольшую нагрузку несет третья глава исследования «Осетия в политико-административном пространстве Российской империи». В ней подробно рассматривается последовательный процесс распространения российской государственно-административной системы управления в Осетии с конца XVIII по конец XIX в. Красной нитью через всю главу проходят конкретные шаги Российской империи, предпринимаемые на каждом историческом отрезке времени по включению территории Осетии в качестве административной единицы в состав империи, направленные на «слияние» окраины с остальной частью государства в политическом, экономическом и социальном отношениях» (с. 227). Автор подчеркивает, как из-за своего геополитического положения на Центральном Кавказе Осетия превратилась для Российской империи в своеобразную лабораторию для отработки принципов действий государственного механизма, которые с течением времени были положены в основу российской политики в северокавказском регионе.

Заключительная глава посвящена весьма сложной проблеме, касающейся взаимодействия традиционной и государственно-административной систем управления в Осетии. В ней автор рассматривает комплекс взаимосвязанных вопросов и делает вывод, что в конечном итоге российская администрация, переняв некоторые внешние атрибуты традиционной управленческой практики, поставила горцев перед необходимостью адаптировать искусственно сконструированные схемы самоорганизации. Автор показывает, как российская администрация строила взаимоотношения с традиционными институтами общественного самоуправления в Осетии, преследуя цели всемерной унификации и стандартизации управления Северным Кавказом.

Прав автор, утверждая, что «сложившаяся в Осетии к концу XIX в. система управления формировалась искусственным путем: ее появление было связано не с процессом саморазвития осетинских обществ, а с сознательной и целенаправленной деятельностью российского правительства» (с. 211).

Рецензируемая книга – заметное явление в историческом осетиноведении. Поэтому новое издание увеличенным тиражом так и напрашивается. В этой связи хотелось бы указать на некоторые упущения и недостатки.

Судя по названию книги, следовало ожидать освещения исследуемой темы в рамках всей Осетии. В первых двух главах автор придерживается этого принципа, чего нельзя сказать о последующих главах, где речь идет о вхождении в политико-административное пространство Российской империи только Северной Осетии. Южная Осетия обойдена стороной, хотя в названиях параграфов соответствующей главы значится «Центральный Кавказ», «Осетия». Думается, что вопрос следовало рассмотреть в рамках всей Осетии, и вот почему: 1) Южная Осетия входила в Российскую империю и по существу в состав России вошла вся Осетия; 2) Наро-Мамисонская котловина Северной

Осетии до 1859 г. входила в Тифлисскую губернию и 3) по существу, административные реформы Российской империи были идентичными как в Северной, так и в Южной Осетии.

Что касается хронологических рамок исследования и внутренней периодизации, то они вызывают вопросы. По замыслу автора, в книге рассматривается становление и развитие государственно-административной системы Российской империи на Центральном Кавказе на примере Северной Осетии. В этой связи вызывает сомнение логичность конечного периода исследования – почему оно прерывается концом XIX в. и по какой причине обойдены стороной последние 17 лет XX столетия, которые оказались последними и для Российской империи.

В истории России XIX века как водораздельное историческое событие прочно утвердились реформы 60-х гг., ставшие самым значительным событием века. И в рассматриваемой книге автор неоднократно ссылается на них: «в пореформенные годы...» (с. 155), «дореформенный период» (с. 221), «перемены в управленческой практике, отмечаемые с начала 60-х гг. XIX в.» (с. 170), «пореформенная община» (с. 208) и т.д. Между тем, почему-то переходным рубежом от первого этапа административных реформ на Кавказе к следующему автором предложены 30-е, а не 60-е гг. XIX в. Да, административные реформы 30–40-х гг. оставили заметный след в истории, но по своей значимости они далеко отстают от реформ 60-х гг.

Выше мы говорили о дробном материале, подвергнутом анализу в главе о традиционной системе общественного самоуправления: институтах старейшин и народного собрания. Однако у читателя не складывается четкого представления о функциях и полномочиях совета старейшин и ныхаса. Хотя и сам автор констатировал отсутствие жесткой регламентации их полномочий, эти вопросы нуждались, тем не менее, в большем внимании к себе: что в полномочиях ныхаса и совета старейшин совпадало, повторялось и в чем они существенно отличались друг от друга.

Как было отмечено, автором пущены в научный оборот фактически вся существующая вокруг проблемы литература и источники. Все это прекрасно, но поскольку в книге поставлена цель скрупулезного исследования недостаточно изученного вопроса, то и привлечение архивных источников, так сказать «из первых рук», сделало бы ее еще более весомой и значимой. В работе имеются и другие вопросы, по которым можно было бы спорить с автором, но это не только не умаляет ее достоинств, но, наоборот, делает ее еще более интересной и ценной.

Словом, не указанными недочетами характеризуется книга – впервые в историческом осетиноведении история становления и развития русской администрации на Кавказе и ее трансформирующее воздействие на традиционную систему самоорганизации подвергнуты тщательному научному осмыслению. Книга оставляет приятное впечатление глубиной постановки, полнотой освещения и широтой охвата исследуемой темы – в этом достоинство рецензируемой книги Е.И. Кобахидзе.

*Л.А. Чибиров,
д.и.н., профессор.*